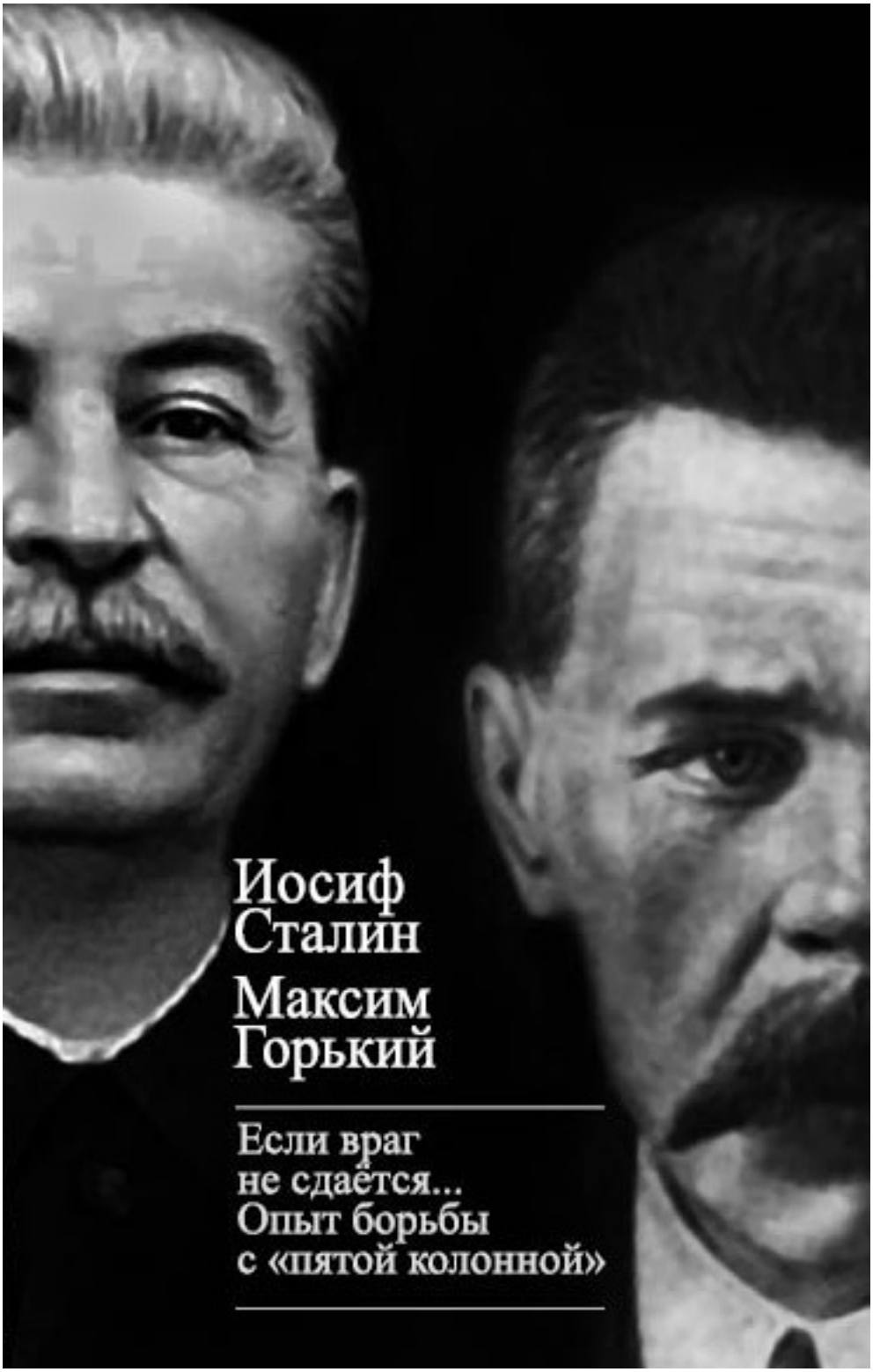

Иосиф Сталин

Максим Горький

Если враг не сдаётся... Опыт борьбы с «пятой колонной»

Гиганты политической мысли

Максим Горький

«Если враг не сдается…» Опыт борьбы с «пятой колонной» в СССР

«Алисторус»

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

Горький М.

«Если враг не сдается…» Опыт борьбы с «пятой колонной» в СССР / М. Горький — «Алисторус», — (Гиганты политической мысли)

ISBN 978-5-907028-11-1

Имена И.В. Сталина и А.М. Горького не случайно объединены в этой книге. Дело не только в том, что в марте 2018 года исполняется 150 лет со дня рождения А.М. Горького и 65 лет со дня смерти И.В. Сталина – эти два человека в 1930-е годы вместе боролись за сохранение советской державы, которая подвергалась ожесточенным атакам со стороны как внешних, так и внутренних врагов. Сталин руководил разгромом «пятой колонны» в СССР, Горький давал идеологическое обоснование этой борьбы: именно ему принадлежит знаменитая фраза: «Если враг не сдается, его уничтожают». В книге собраны самые значительные выступления и статьи И.В. Сталина и А.М. Горького, посвященные этой теме, в том числе закрытые в советское время от общественности, предназначенные для узкого круга лиц и выходившие под грифом «Совершенно секретно».

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-907028-11-1

© Горький М.
© Алисторус

Содержание

Создание и крах «пятой колонны» в СССР 5
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Иосиф Виссарионович Сталин, Алексей Максимович Горький «Если враг не сдается…» Опыт борьбы с «пятой колонной» в СССР

Создание и крах «пятой колонны» в СССР

С момента захвата Гитлером власти в Германии развязывание международной контрреволюции стало составной частью нацистских планов завоевания мира. В каждой стране Гитлер приступил к мобилизации контрреволюционных сил, отныне эти силы превращались в пятую колонну нацистской Германии, в организации измены, шпионажа и террора. Эта пятая колонна стала тайным авангардом германских вооруженных сил.

Одна из самых мощных и значительных пятых колонн действовала в Советской России. Ее возглавлял человек, являющийся, быть может, самым примечательным политическим ренегатом в истории.

Имя этого человека было Лев Троцкий.

Когда родилась германская «третья империя», Троцкий уже был главарем международного антисоветского заговора, располагавшего значительными силами в самом Советском Союзе. Находясь в изгнании, Троцкий замышлял свергнуть советское правительство, возвратиться в Россию и захватить власть.

«Было время, – писал Уинстон Черчилль в своей книге „Великие современники“, – когда Троцкий стоял очень близко к вакантному трону Романовых».

Изменниками становятся, а не рождаются. Подобно Бенито Муссолини, Пьеру Лавалю, Паулю Йозефу Геббельсу, Жаку Дорио, Ван Цзинвею и другим известным авантюристам, Троцкий начал карьеру, выступив как диссидент, как «крайний левый» в революционном движении своей родины.

С самого начала левая оппозиция в Советской России действовала двумя путями: открыто, с публичной трибуны, в своих газетах и аудиториях оппозиционеры несли свою пропаганду в народ. За сценой же подпольные совещания Троцкого, Бухарина, Зиновьева, Радека, Пятакова и др. вырабатывали свои стратегические планы и договаривались о тактике оппозиции.

На базе этого оппозиционного движения Троцкий создал в России тайную организацию заговорщиков, построенную по «системе пятерок», которую в свое время ввел английский агент Сидней Рейли и которая применялась эсерами и другими антисоветскими заговорщиками.

К 1923 г. подпольный аппарат Троцкого уже представлял собой широко разветвленную организацию. Троцким и его приверженцами были разработаны для нелегальной связи специальные коды, шифры и пароли. По всей стране были организованы подпольные типографии. Троцкистские ячейки были созданы в армии, дипломатическом корпусе, в государственных и партийных учреждениях.

Много лет спустя Троцкий сообщил, что сын его Лев Седов был в это время вовлечен в троцкистский заговор, который давно уже не представлял политической оппозиции в большевистской партии, а был на грани слияния с тайной войной против советского строя.

«В 1923 году, – писал Троцкий в 1938 г. в своей брошюре „Лев Седов: сын, друг, борец“, – Лев с головой ушел в оппозиционную деятельность. Он быстро постиг искусство заговорщи-

ческой деятельности, нелегальных собраний и тайного печатания и распространения оппозиционных документов. В скором времени в комсомоле выросли собственные кадры руководителей оппозиции».

Но Троцкий не ограничился организацией заговоров внутри Советской России…

Зимой 1921/22 г. один из руководящих троцкистов – Николай Крестинский, бывший адвокат, смуглый брюнет с уклончивым взглядом бегающих глаз – был назначен советским послом в Германии. В Берлине Крестинский явился с официальным визитом к генералу Гансу фон Секту, командующему рейхсвером. Из донесений своей разведки Сект знал, что Крестинский – троцкист. Немецкий генерал дал понять Крестинскому, что рейхсвер сочувствует целям русской оппозиции, возглавляемой военным комиссаром Троцким.

Несколько месяцев спустя в Москве Крестинский сообщил Троцкому об этих словах генерала Секта. Троцкий отчаянно нуждался в средствах для финансирования своей растущей подпольной организации. Он сказал Крестинскому, что оппозиция в России нуждается в союзниках за рубежом и что она должна быть готова к заключению союзов с дружественными державами. Германия, добавил Троцкий, не является врагом России; ввиду наличия в Германии реваншистских настроений в отношении Франции и Англии, столкновение ее с Советской Россией на ближайшее время исключено. Оппозиционные политики в Советской России должны быть готовы к тому, чтобы воспользоваться этой ситуацией…

В 1922 г. Крестинский вернулся в Берлин с тайной инструкцией. Троцкий поручил ему, «воспользовавшись встречей с Сектом при официальных переговорах, предложить ему, Секту, чтобы он оказывал систематическую денежную субсидию для разворачивания нелегальной троцкистской работы». Вот что произошло, по рассказу Крестинского: «Я поставил этот вопрос перед Сектом, назвал сумму 250 тысяч марок золотом… Генерал Сект, поговоривши со своим заместителем, начальником штаба, дал принципиальное согласие и поставил в виде контртребования, чтобы Троцкий в Москве или через меня передавал ему… некоторые секретные и серьезные сведения военного характера. Кроме того, чтобы ему оказывалось содействие в выдаче виз некоторым нужным им людям, которых бы они посылали на территорию Советского Союза в качестве разведчиков. Это контртребование генерала Секта было принято, и начиная с 1923 года этот договор стал приводиться в исполнение».

* * *

Тотчас же после смерти Ленина Троцкий стал заявлять о своих притязаниях на власть. На тринадцатом партийном съезде, в мае 1924 г., Троцкий потребовал, чтобы его платформа была поставлена на голосование. Семьсот сорок восемь большевистских делегатов съезда единодушно голосовали против платформы Троцкого и осудили его борьбу за личную власть. Всенародное осуждение Троцкого было столь очевидным, что даже Бухарин, Зиновьев и Каменев были вынуждены публично присоединиться к большинству и голосовать против него. Троцкий яростно обрушился на них за «измену». Но несколько месяцев спустя Троцкий и Зиновьев снова объединили свои силы и образовали «новую оппозицию».

«Новая оппозиция» пошла дальше, чем все предшествовавшие фракции этого рода. Она открыто призывала к «обновлению руководства» в Советской России и, развернув во всей стране пропаганду и политическую борьбу против советского правительства, собрала вокруг себя все недовольные и враждебные элементы. Сам Троцкий писал впоследствии: «В охвостье этого авангарда плелись всякого рода недовольные, непристроенные и обозленные карьеристы». Шпионы, вредители из Торгпрома, белогвардейцы, террористы устремились в тайные ячейки «новой оппозиции». Эти ячейки стали собирать оружие. На советской территории начала формироваться тайная троцкистская армия.

«У нас должна быть политика дальнего прицела, – говорил Троцкий Зиновьеву и Каменеву (он вспоминает об этом в „Моей жизни“), – мы должны готовиться к длительной и серьезной борьбе».

Находившийся за пределами России капитан Сидней Джордж Рейли из английской Интеллидженс сервис решил, что настал момент для нанесения удара. Претендент на пост русского диктатора Борис Савинков – марионетка англичан – был послан в Россию летом 1924 года для подготовки ожидавшегося контрреволюционного мятежа.

По словам Уинстона Черчилля, который и сам был причастен к этому заговору, Савинков тайно поддерживал общение с Троцким. В своей книге «Великие современники» Черчилль пишет: «В июне 1924 г. Каменев и Троцкий совершенно ясно предложили ему (Савинкову) вернуться».

В том же году близкий сторонник Троцкого Христиан Раковский был назначен советским послом в Англии. Вскоре после его прибытия в Лондон к Раковскому (о котором Троцкий в 1937 г. писал: «это мой настоящий старый друг») явились в его служебный кабинет два офицера Интеллидженс сервис – капитан Армстронг и капитан Локкарт. Английское правительство сначала отказывалось принять советского представителя в Лондоне. Явившись к Раковскому, офицеры английской разведки, по его словам, обратились к нему с вопросом: «Знаете ли вы, каким образом вы получили агреман в Англии?.. Мы осведомились относительно вас у господина Истмена и узнали о вашей принадлежности к течению мистера Троцкого, о вашей близости с ним. И только вследствие этого обстоятельства Интеллидженс сервис дало агреман на назначение вас полпредом в эту страну».

Несколько месяцев спустя Раковский вернулся в Москву. Он рассказал Троцкому о том, что произошло в Лондоне.

Английская разведка, как и германская, желала завязать отношения с оппозицией.

«Это такое дело, над которым следует задуматься», – сказал Троцкий.

* * *

Спустя несколько месяцев у Троцкого, как он впоследствии писал в «Моей жизни», появилась «загадочная температура», происхождение которой «московские врачи никак не могли объяснить», Троцкий решил, что ему необходимо поехать в Германию.

В Германии, по его собственной версии, Троцкий остановился в «частной клинике в Берлине», где его навестил Николай Крестинский, исполнявший роль связиста между Троцким и германской военной разведкой. В то время как Троцкий и Крестинский совещались в клинике, к ним в комнату, по словам Троцкого, неожиданно вошел немецкий «полицейский инспектор» и объявил, что тайная немецкая полиция принимает чрезвычайные меры для охраны Троцкого ввиду раскрытого ею заговора против его жизни.

Этот испытанный прием разведки позволил Троцкому и Крестинскому провести немало часов за закрытой дверью в обществе представителя германской тайной полиции…

Летом того же года между Троцким и германской разведкой было достигнуто соглашение. Впоследствии Крестинский следующим образом охарактеризовал условия этого соглашения: «Мы в это время уже привыкли к поступлению регулярных сумм, твердой валюты… Эти деньги шли на развивавшуюся за границей, в разных странах, троцкистскую работу, на издательство и прочее… В 1926 году, в разгар борьбы троцкистских групп за границей с партийным руководством как в Москве, так и у братских партий… Сект… выдвинул предложение, что та шпионская информация, которая давалась ему несистематически, от случая к случаю, должна принять более постоянный характер, и, кроме того, чтобы троцкистская организация дала обязательство, что, в случае прихода ее к власти во время возможной новой мировой войны, эта троцкистская власть учтет справедливые требования германской буржуазии, то есть главным

образом требования концессий и заключения другого рода договоров. После запроса Троцкого и получения от него согласия я дал генералу Секту положительный ответ, и наша информация начала носить систематический характер, а не спорадический, как это было раньше. В устном порядке были даны обещания насчет будущего послевоенного соглашения…

…Деньги продолжали поступать. Начиная с 1923 года по 1930 год, мы получали каждый год по 250 тысяч германских марок золотой валютой».

Вернувшись в Москву из поездки в Германию, Троцкий повел решительную кампанию против советского руководства. «В течение 1926 года, – пишет Троцкий в „Моей жизни“, – партийная борьба развивалась с нарастающей интенсивностью. Осенью оппозиция произвела открытую вылазку на партийных собраниях». Эта тактика провалилась и вызвала повсеместное осуждение среди рабочих, гневно заклеймивших попытку троцкистов внести разложение в ряды партии. «Оппозиция, – писал Троцкий, – была вынуждена отступить…»

* * *

Когда летом 1927 г. над Россией нависла угроза войны, Троцкий возобновил свои атаки против советского правительства. В Москве Троцкий открыто заявил: «Мы должны восстановить тактику Клемансо, который, как известно, выступил против французского правительства в то время, когда немцы находились в восьмидесяти километрах от Парижа».

Сталин заклеймил это заявление Троцкого как изменническое. «Создается, – сказал Сталин, – нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

Снова было проведено голосование по вопросу о Троцком и его оппозиции. На общепартийной дискуссии подавляющее большинство в семьсот двадцать четыре тысячи против четырех тысяч отвергло платформу троцкистской оппозиции и высказалось за руководство Сталина.

В «Моей жизни» Троцкий описывает ту лихорадочную заговорщическую деятельность, которая развернулась после его ошеломляющего поражения в результате общепартийной дискуссии. «В различных районах Москвы и Ленинграда были созваны тайные собрания при участии рабочих и студентов обоего пола, приходивших группами от двадцати до ста и двухсот человек послушать того или иного из представителей оппозиции. В течение дня мне приходилось бывать на двух, трех, а иногда и четырех таких собраниях…

Оппозиция умело подготовила большое собрание в помещении Московского высшего технического училища, которое было занято изнутри… Попытки администрации прекратить собрание оказались тщетными. Каменев и я говорили около двух часов».

Троцкий лихорадочно готовился к предстоящему открытому выступлению. В конце октября его планы созрели. 7 ноября, в день десятой годовщины большевистской революции, должен был произойти путч. Возглавить его предстояло наиболее решительным приверженцам Троцкого из его бывшей лейб-гвардии. Специальные отряды были выделены для захвата стратегических пунктов в стране. Сигналом к путчу должна была явиться политическая демонстрация против советского правительства во время массового парада рабочих в Москве, утром 7 ноября. Впоследствии Троцкий писал в «Моей жизни»: «Руководящая верхушка оппозиции шла навстречу финалу с открытыми глазами. Мы достаточно ясно понимали, что сделать наши идеи общим достоянием нового поколения мы можем не путем дипломатии и уклонения от действий, а лишь в открытой борьбе, не останавливаясь ни перед какими практическими последствиями».

Путч Троцкого провалился уже в самом начале. С утра 7 ноября, когда рабочие демонстрации шли по улицам Москвы, на них посыпались с высоких зданий троцкистские листовки, возвещавшие «приход нового руководства». Небольшие группы мятежников с троцкистскими

лозунгами и плакатами внезапно появились на улицах. Они были сметены разгневанными рабочими.

Советские власти приняли энергичные меры. Муралов, Смирнов, Мрачковский и другие бывшие участники военной гвардии Троцкого были немедленно арестованы. Каменев и Пятаков были арестованы в Москве. Правительственные агенты произвели обыски в тайных троцкистских типографиях и в складах оружия. Зиновьева и Радека арестовали в Ленинграде, куда они направились для организации путча одновременно с московским. Один из сторонников Троцкого, дипломат Иоффе, бывший послом в Японии, покончил самоубийством. Кое-где троцкисты были арестованы в обществе бывших белых офицеров, эсеровских террористов и иностранных агентов…

Троцкий был исключен из большевистской партии и сослан.

* * *

Троцкий был сослан в Алма-Ату, столицу Казахской советской республики в Средней Азии, вблизи китайской границы. Ему и его жене Наталье и сыну Седову был отведен дом. Советское правительство еще не представляло себе подлинного масштаба и значения его заговора. Ему разрешили сохранить при себе несколько личных телохранителей, в том числе бывшего офицера Красной армии Эфраима Дрейцера. Ему позволили получать и отправлять личные письма, иметь свою библиотеку и секретный «архив» и время от времени принимать друзей и почитателей.

Однако Троцкий и в ссылке не прекратил своей заговорщической деятельности…

27 ноября 1927 г. самый изворотливый из всех троцкистских стратегов, немецкий агент, дипломат Николай Крестинский написал Троцкому секретное письмо, в котором излагался стратегический план, усвоенный троцкистскими заговорщиками на будущее время. «Со стороны троцкистской оппозиции, – писал Крестинский, – нелепо пытаться продолжать открытую агитацию против советского правительства. Вместо этого троцкисты должны постараться вернуться в партию, занять ответственные посты в советском правительстве и продолжать борьбу за власть в самом правительственном аппарате». Характеризуя стоящую перед троцкистами задачу, Крестинский писал: «Медленно, постепенно, упорной работой внутри партии и в советском аппарате можно восстановить, вновь заработать доверие масс и влияние на них».

Тактический план Крестинского понравился Троцкому. Вскоре, как впоследствии признал Крестинский, Троцкий обратился к своим арестованным и сосланным последователям с инструкцией «вернуться обманным путем в партию», «законспирироваться» и «занять более или менее самостоятельные ответственные посты». Пятаков, Радек, Зиновьев, Каменев и другие сосланные оппозиционеры начали отмежевываться от Троцкого, объявили свою прошлую оппозицию «трагической ошибкой» и подали заявления о восстановлении в партии.

Дом Троцкого в Алма-Ате стал центром активных антисоветских интриг. «Идеологическая жизнь оппозиции в то время кипела как в котле», – писал впоследствии Троцкий в своей брошюре «Лев Седов». Из Алма-Аты Троцкий руководил тайной кампанией пропаганды и подрывной деятельности, направленной против советского режима.

Сыну Троцкого Льву Седову было поручено руководство системой тайной связи, при посредстве которой Троцкий общался со своими сторонниками и другими оппозиционерами в стране. В двадцать с небольшим лет Седов, наделенный преизбытком энергии и уже приобретший опыт прожженного конспиратора, сочетал фанатичную преданность целям оппозиции с чувством горечи и озлобления, которое в нем вызывало эгоистически самовластное поведение его отца. В своей брошюре «Лев Седов» Троцкий описывает ту важную роль, которую играл Седов, руководя из Алма-Аты системой связи заговорщиков. Троцкий писал: «Зимой 1927 года… Льву исполнилось двадцать два года… Его работа в Алма-Ате в течение этого года была

поистине беспримерной. Мы называли его нашим министром иностранных дел, министром полиции и министром связи. Выполняя все эти функции, он должен был опираться на нелегальный аппарат».

Через Седова поддерживалась связь с секретными курьерами, доставлявшими сообщения в Алма-Ату и увозившими директивы Троцкого.

Иногда из Москвы приезжали специальные курьеры. Встречаться с ними было делом непростым… Внешние сношения поддерживались исключительно Львом. Порой он уходил из дому дождливой ночью или в сильный снегопад или же, обманывая бдительность соглядатаев, укрывался на целый день в читальне, чтобы потом встретиться с курьером в общественной бане или в густом кустарнике где-нибудь на окраине или на по-восточному людном городском базаре, где толпы казахов шныряли среди лошадей, ослов и наваленных грудами товаров. И каждый раз он возвращался с ценной добычей, спрятанной под одеждой.

Через руки Седова проходило в неделю не менее «ста документов секретного характера». В дополнение к этому Троцкий рассылал из Алма-Аты большое количество пропагандистских материалов и личных писем. Многие из этих писем содержали «директивы» для его приверженцев и антисоветскую пропаганду. «Между апрелем и октябрем (1928 г.), – хвастал Троцкий, – мы получили приблизительно тысячу писем и документов и около семисот телеграмм. За этот же период мы отправили пятьсот телеграмм и не менее восьмисот политических писем…»

* * *

В декабре 1928 г. к Троцкому в Алма-Ату был направлен представитель советского правительства. Судя по записи в «Моей жизни», он сказал Троцкому следующее: «Деятельность ваших политических единомышленников в стране приняла в последнее время явно контрреволюционный характер. Условия, в которые вы поставлены в Алма-Ате, дают вам возможность руководить этой деятельностью…» Советское правительство требует от Троцкого обещания прекратить эту подрывную деятельность. В противном случае правительство будет вынуждено принять против него энергичные меры как против изменника. Троцкий отказался внять этому предостережению. Его дело было рассмотрено в Москве Особым совещанием при ОГПУ.

В сорок первом номере газеты «Правда» от 19 февраля 1929 г. было опубликовано следующее сообщение ТАСС: «Л. Д. Троцкий за антисоветскую деятельность выслан из пределов СССР постановлением Особого совещания при ОГПУ. С ним, согласно его желанию, выехала его семья».

Троцкий был выслан из Советского Союза. Это было началом самого необыкновенного этапа в его карьере.

«Изгнание обычно означает уход со сцены; в случае с Троцким произошло обратное, – писал впоследствии Исаак Маркусон в своей книге „Бурные годы“. – Пока Троцкий находился в пределах СССР, его можно было уподобить жалящему шершню, но и на расстоянии многих тысяч миль его жало не утратило своей остроты. Действуя издалека, он стал заклятым врагом России… Мастер демагогии, он жил в фантастической атмосфере национальных и международных заговоров подобно герою детективного романа Е. Филипса Оппенгейма».

13 февраля 1929 г. Лев Троцкий приехал в Константинополь. Огромные заголовки в мировой прессе возвестили его приезд. Иностранные корреспонденты собрались на пристани в ожидании принадлежащей частному лицу моторной лодки, которая должна была доставить его на берег. Раздвигая толпу корреспондентов, Троцкий прошел к ожидавшему его автомобилю, у руля которого сидел один из его личных телохранителей, и машина унесла его туда, где его ждало заранее приготовленное помещение.

В Турции разразилась политическая буря. Просоветские круги требовали высылки Троцкого. В антисоветских кругах его приветствовали как врага советского режима. Турецкое пра-

вительство колебалось. Циркулировали слухи, что оно подверглось дипломатическому давлению держав, заинтересованных в том, чтобы удержать Троцкого в Турции, поблизости от советской границы. Наконец, был достигнут компромисс. Троцкий остался в Турции и в то же время не в Турции. «Красному Наполеону», как его называла пресса, было предоставлено убежище на принадлежащих Турции Принцевых островах. Через несколько недель после прибытия Троцкий его жена, сын и группа его телохранителей поселились на Принцевых островах.

На этом живописном черноморском острове, где Вудро Вильсон мечтал созвать мирную конференцию из представителей союзных держав и Советского государства, изгнанный Троцкий учредил свою новую политическую штаб-квартиру; его главным помощником и заместителем был его сын – Лев Седов… «На Принцевых островах, – писал впоследствии Троцкий, – была тем временем успешно сформирована новая группа молодых сотрудников из различных стран, работавшая в тесном контакте с моим сыном».

Лихорадочная атмосфера таинственности и интриг окружала небольшой дом, в котором жил Троцкий. Снаружи дом охранялся полицейскими собаками и вооруженными телохранителями. Жилище Троцкого кишело авантюристами радикального толка, выходцами из России, Германии, Франции и других стран. Троцкий называл их своими «секретарями». Они образовали новую гвардию Троцкого. Дом его осаждали посетители: антисоветские пропагандисты, политики, журналисты, падкие до лжегероики эмигранты и новоявленные приверженцы «мировой революции». Двери в кабинет Троцкого, где происходили его частые совещания с ренегатами коммунистического или социалистического движения, охранялись. Время от времени Троцкого навещали агенты Интеллидженс сервис и другие загадочные личности, визиты которых были окружены тайной.

Вначале главарем вооруженной лейб-гвардии Троцкого на Принцевых островах был Блюмкин, эсеровский убийца, с двадцатых годов с собачьей преданностью следовавший за Троцким. В конце 1930 г. Троцкий отправил его в Советскую Россию со специальным заданием. Блюмкин был задержан советскими органами безопасности, предан суду, признан виновным в антисоветской пропаганде и в контрабандном ввозе в страну оружия и расстрелян.

Впоследствии личная гвардия Троцкого возглавлялась французом Раймондом Молинье и американцем Шелдоном Хартом.

* * *

Троцкий всеми силами старался сохранить в изгнании свою репутацию «великого революционера». Ему шел пятидесятый год. Приземистый, слегка сутулый, он становился все более грузным и обрюзгшим. Его знаменитая копна черных волос и остроконечная бородка поседели, но движения все еще были быстрыми и нетерпеливыми. Черные глаза за неизменным, блестевшим на крючковатом носу пенсне придавали его мрачным подвижным чертам зловещее выражение. Многих, кто видел его, отталкивала эта «мефистофельская» физиономия.

Заботясь о том, чтобы поддержать за пределами Советской России свою репутацию, Троцкий ничего не оставлял на волю случая. Он любил цитировать слова французского анархиста Прудона: «Судьба – я смеюсь над ней; что касается людей, они слишком невежественны и порабощены, чтобы вызывать у меня раздражение». Однако, прежде чем дать интервью важным посетителям, Троцкий тщательно репетировал свою роль и заучивал перед зеркалом в спальне соответствующие жесты. Журналисты, посещавшие Принцевы острова, должны были приносить свои статьи Троцкому на предварительный просмотр. В своих беседах Троцкий изливал нескончаемый поток догматических утверждений и антисоветской брани, подчеркивая каждую фразу и жест театральными приемами митингового оратора.

Уинстон Черчилль, все еще проявлявший горячий интерес к антисоветской кампании во всем мире и во всех ее фазах, написал специальный очерк об изгнаннике на Принцевых

островах. «Троцкий мне никогда не нравился», – заявил Черчилль в 1944 г. Но азартность Троцкого как заговорщика и дьявольская энергия импонировали авантюристическому темпераменту Черчилля. Характеризуя цели международного заговора Троцкого с момента, когда тот покинул советскую землю, Черчилль писал в «Великих современниках»: «Троцкий… стремится мобилизовать всех подонков Европы для борьбы с русской армией».

Американский корреспондент Джон Гюнтер посетил штаб-квартиру Троцкого на Принцевых островах. Он беседовал с Троцким и с рядом его русских и европейских приверженцев.

Гюнтер писал: «Троцкистское движение возникло в большей части Европы. В каждой стране есть ячейка троцкистских агитаторов. Они получают директивы непосредственно с Принцевых островов. Различные группы поддерживают между собой известного рода связь через свои издания и обращения, но главным образом путем частной переписки. Отдельные центральные комитеты связаны с международным центром в Берлине».

Гюнтер попытался заставить Троцкого высказаться о его «четвертом интернационале», чего он добивается и что делает. Троцкий уклонился от разговора. Но как-то в порыве экспансивности он показал Гюнтеру несколько бутафорских книг, в которых прятались, а затем перевозились секретные документы. Он сообщил также, что имеет последователей и сторонников среди влиятельных лиц в Соединенных Штатах. Далее он говорил о троцкистских ячейках, организованных во Франции, Норвегии и Чехословакии. «Их деятельность, – сказал он Гюнтеру, – „полулегальна“…»

«Для Троцкого, – писал Гюнтер, – Россия потеряна, по крайней мере на время…» Главная цель Троцкого – «продержаться, а тем временем со всей энергией неустанно совершенствовать свою противокоммунистическую организацию за рубежом».

* * *

В течение 1930–1931 гг. Троцкий развернул с Принцевых островов совершенно необычную кампанию антисоветской пропаганды. Это была пропаганда совсем нового типа – несравненно более тонкая и сбивающая с толку в гораздо большей степени, чем все, что изобреталось в прошлом крестоносцами антибольшевизма.

Времена переменились. После великого кризиса весь мир был революционно настроен в том смысле, что он не хотел возвращения старых порядков, принесших столько нищеты и страданий. Первая фашистская контрреволюция – в Италии – не без успеха изображалась ее организатором, бывшим социалистом Бенито Муссолини, как «итальянская революция». В Германии нацисты создавали себе массовую базу не только вербовкой антибольшевистских и реакционных сил, но и потому, что выступали перед немецкими рабочими и крестьянами под маской «национал-социалистов». Еще задолго до этого – в 1903 г. – Троцкий ловко оперировал приемом – по выражению Ленина – «ультрареволюционной фразы», «которая ему ничего не стоит».

Ныне – уже во всемирном масштабе – Троцкий стал совершенствовать технику пропаганды, применявшуюся им вначале против Ленина и большевистской партии. В бесчисленных «ультралевых» и сугубо радикальных по тону статьях, книгах, брошюрах и речах Троцкий нападал на советский режим, призывая к его насильственному свержению, но не потому, что этот режим революционен, а потому, что он, по терминологии Троцкого, стал «контрреволюционным» и «реакционным».

И вот, словно по мановению жезла, многие крестоносцы антибольшевистского похода оставили свою доморощенную, открыто контрреволюционную и монархическую линию пропаганды и перешли к применению новой, «обтекаемой», троцкистской тактики нападения на русскую революцию «слева».

Первым крупным пропагандистским выступлением Троцкого, введшим эту новую антисоветскую линию в обиход международной контрреволюции, было опубликование его мелодраматической, полувымышленной автобиографии «Моя жизнь». Эта книга, сначала печатавшаяся в виде серии антисоветских статей в европейских и американских газетах, ставила себе задачей очернить Сталина и Советский Союз, увеличить престиж троцкистского движения и раздуть легенду о Троцком как о «мировом революционере». В «Моей жизни» Троцкий выдавал себя за вдохновителя и организатора русской революции, которого его противники лишили принадлежащего ему положения лидера России.

Антисоветские агенты и пресса тотчас же подняли рекламную шумиху вокруг книги Троцкого, объявив ее сенсационным боевиком, раскрывающим закулисную «правду» о русской революции.

Адольф Гитлер прочитал автобиографию Троцкого сразу же по ее выходе. Биограф Гитлера Конрад Гейден рассказывает в своей книге «Дер фюрер», что Гитлер в 1930 г. изумил кружок своих друзей неумеренными похвалами «Моей жизни». «Блестяще! – кричал Гитлер своим собеседникам, размахивая перед ними томиком Троцкого. – Меня эта книга научила многому, и вас она может научить».

Книга Троцкого стала вскоре учебным пособием для всякого рода антисоветских агентур. Она была воспринята как основное руководство по антисоветской пропаганде. Японская тайная полиция использовала ее в качестве принудительного чтения для заключенных в тюрьмы японских и китайских коммунистов, рассчитывая таким образом сломить их боевой дух. Гестапо аналогичным образом использовало эту книгу.

* * *

«Моя жизнь» была лишь первым залпом в развернутой Троцким широкой кампании антисоветской пропаганды. За ней последовало бесчисленное множество других антисоветских книг, брошюр и статей, из которых многие сначала публиковались под кричащими заголовками в реакционных газетах Европы и Америки. «Бюро» Троцкого наводнило мировую антисоветскую прессу потоком клеветнических «разоблачений», «обвинений» и «закулисных историй», состряпанных сомнительными «очевидцами».

Для внутреннего потребления в Советском Союзе Троцкий издавал официальный «Бюллетень оппозиции», печатавшийся за границей, сначала в Турции, а затем в Германии, Франции, Норвегии и других странах, и контрабандным путем ввозившийся в Россию секретными троцкистскими курьерами. «Бюллетень» не предназначался для советских масс. Он был рассчитан на дипломатов, государственных служащих, военных и интеллигентов, некогда следовавших за Троцким или склонных подчиниться его влиянию. «Бюллетень» содержал также директивы для пропагандистской работы троцкистов в России и за границей. Из номера в номер «Бюллетень» рисовал страшные картины грядущего краха советского режима, предсказывая кризис в промышленности, возобновление гражданской войны и разгром Красной армии при первом же нападении извне. «Бюллетень» умело спекулировал на сомнениях и тревогах, порожденных периодом строительства в сознании неустойчивых, растерявшихся и недовольных элементов.

«Бюллетень» открыто призывал эти элементы к актам вредительства и насилия против советского правительства.

Вот несколько типичных образчиков антисоветской пропаганды и призывов к насильственному свержению советского режима, которые Троцкий распространял во всем мире в годы, последовавшие за его высылкой из СССР:

«Первое же социальное потрясение, внешнее или внутреннее, может ввергнуть распадающееся советское общество в гражданскую войну. („Советский Союз и четвертый интернационал“, 1933 г.).

Политические кризисы ведут к всеобщему кризису, который уже надвигается. („Убийство Кирова“, 1935 г.).

Можем ли мы ожидать, что Советский Союз выйдет без поражения из грядущей большой войны? На столь прямо поставленный вопрос мы ответим не менее прямо: если война останется только войной – поражение Советского Союза будет неизбежным. В техническом, экономическом и военном отношении империализм несравненно сильнее. Если его не парализует революция на Западе, империализм сметет нынешний режим. (Статья в „Америкэн меркьюри“, март 1937 г.).

Поражение Советского Союза неизбежно, если новая война не вызовет новую революцию… Если теоретически допустить возможность войны без революции, то поражение Советского Союза неизбежно. (Из показаний на процессе в Мехико, апрель 1937 г.)».

* * *

С того момента как Троцкий оставил русскую землю, агенты иностранных разведок стремились установить с ним связь и использовать его международную антисоветскую организацию. Польская Дефензива, фашистская ОВРА в Италии, финская военная разведка, белоэмигранты, руководившие антисоветской секретной службой в Румынии, Югославии и Венгрии, и реакционные элементы в английской Интеллидженс сервис и французском Дезьем бюро (Второе бюро) готовы были ради достижения своих целей вступить в сделку с заклятым врагом России. Денежные средства, специальные помощники, целая сеть шпионов и курьеров – все это было к услугам Троцкого, для того чтобы он мог расширить свою международную деятельность по части антисоветской пропаганды и укрепить и реорганизовать свой конспиративный аппарат в Советской России.

Самым важным фактором было нараставшее сближение Троцкого с германской военной разведкой (отделение III Б), которая под руководством полковника Вальтера Николаи уже сотрудничала с приобретавшими все большее влияние органами, подведомственными Генриху Гиммлеру.

До 1930 г. агент Троцкого Крестинский получил от германского рейхсвера приблизительно 2 млн золотых марок на финансирование троцкистской деятельности в Советской России в обмен на шпионские сведения, предоставленные троцкистами германской военной разведке. Впоследствии Крестинский показал: «Начиная с 1923 по 1930 г. мы получали каждый год по 250 тыс. германских марок золотой валютой. Примерно 2 миллиона золотых марок… До конца 1927 г. выполнение этого соглашения шло главным образом в Москве. Затем, с конца 1927 г. почти до конца 1928 г., в течение примерно десяти месяцев, был перерыв в получении денег, потому что после разгрома троцкизма я был изолирован, не знал планов Троцкого, не получал от него никакой информации и указаний… Так продолжалось до октября 1928 г., когда я получил от Троцкого, который в то время был в ссылке, из Алма-Аты письмо… В этом письме содержалось указание Троцкого о получении немецких денег, которые он предлагал передать или Маслову, или французским друзьям Троцкого, то есть Росмеру, Мадлене Паз и другим.

Я обратился к генералу Секту. Он был к этому времени уже в отставке и не занимал никаких постов… Он вызвался переговорить с Гаммерштейном и получить деньги. Деньги

он получил… Гаммерштейн был в тот период начальником штаба рейхсвера, а с 1930 г. стал командующим рейхсвером».

В 1930 г. Крестинский был назначен заместителем комиссара иностранных дел и переведен из Берлина в Москву. Его отъезд из Германии, наряду с внутренним кризисом, который тогда происходил в рейхсвере в результате усиливавшегося влияния нацизма, снова задержал на время поступление немецких денег к Троцкому. Но Троцкий в этот период был уже накануне заключения нового, расширенного соглашения с германской военной разведкой.

За несколько месяцев до того Троцкий написал брошюру, озаглавленную «Германия – ключ к международному положению». Сто семь нацистских депутатов были избраны в рейхстаг. Нацистская партия получила 6400 тыс. голосов. Когда Седов приехал в Берлин, над немецкой столицей нависла атмосфера лихорадочного ожидания и напряжения. По берлинским улицам маршировали колонны штурмовиков в коричневых рубашках; распевая «Хорст Вессель», они врывались в дома и клубы немецких рабочих и либеральных деятелей. Нацисты торжествовали. «Еще никогда, – писал Адольф Гитлер на страницах „Фелькишер беобахтер“, – я не был в таком хорошем расположении духа и не испытывал такого внутреннего удовлетворения, как в эти дни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.